

конфликтами интересов, и все подобные ситуации находятся у нее на контроле. Что касается чиновников и их богатых жен — нельзя строить обвинения только на основании доходов родственников.

Все мы понимаем, что человек откуда-то приходит на государственную службу, нередко — из большого бизнеса. Бизнес в этом случае переходит в доверительное управление, обычно к близким людям, и примеров тому много, в том числе в верхних эшелонах власти. Ничего плохого в этом я не вижу, это абсолютно нормальная ситуация. Вопросы возникают тогда, когда человек, который пришел на госслужбу фактически без ничего, внезапно начинает зарабатывать значительные суммы.

— В Нижегородской области были случаи того, что чиновники «без гроша» или их супруги внезапно богатели, обзаводились недвижимостью и дорогими автомобилями? Вы за этим следите?

— Да, мы за этим следим, но это не только наша компетенция. Нас интересует, платятся ли налоги. Что касается всего остального, этим занимаются комиссии по конфликтам интересов в других госучреждениях.

— В стране продолжается экономический кризис. При этом, если заглянуть в список Forbes, мы увидим, что богатые богатеют, бедные беднеют, а шкала налогообложения в части НДС по-прежнему плоская. Справедливо ли на ваш взгляд то, что в России богатые и бедные платят налоги одинаково?

— Это дискуссионный вопрос, и я не вправе озвучивать свое субъективное мнение. Всем известно, что в настоящее время на уровне федерального правительства активно обсуждается налог на роскошь. Там, где действительно есть сверхдоходы, вероятно, введение какого-то нового налога будет оправдано. Необходимо сформировать градацию и понять, что именно нужно облагать повышенным налогом. При этом, мне кажется, речь не должна идти о прогрессивной ставке, скорее, именно об отдельном виде налогообложения.

— Прогрессивная ставка в России не приживается пото-

му, что богатые сразу начинают прятать деньги? Что лежит в основе ее неприятия — проблема собираемости платежей или что-то еще?

— Поверьте, на сегодняшний день наша налоговая система — одна из лучших в мире. IT-технологии, которые мы внедряем, делают процесс максимально прозрачным, и уклониться от уплаты налогов в России весьма проблематично. Конечно, мы не застрахованы от перевода доходов в необлагаемую сферу и в офшоры, но и в этом случае очень высока вероятность того, что в итоге мы все найдем.

— Кто платит большую часть налогов в Нижегородской области — крупные компании или сегмент МСБ?

— По налогам малый бизнес занимает небольшую долю — порядка 10–20%. Остальное, безусловно, приходится на крупные компании, холдинги и госкорпорации.

При этом я бы не сказал, что в Нижегородской области малый бизнес «кошмарят» — у нас зарегистрировано порядка 100 тыс. юрлиц и 80 тыс. ИП, а выездных проверок в прошлом году было всего около 600. При этом мы используем рискоориентированный подход и заходим с проверками только к реальным неплательщикам.

В прошлом году в Нижегородской области выездных внеплановых проверок не было вообще.

— Если верить официальным данным, в прошлом году Нижегородская область увеличила доход в бюджет по налогу на прибыль на 21%. С чем это связано?

— Есть несколько составляющих: во-первых, инфляция, то есть, некоторое обесценивание рубля. Во-вторых, рост курсовой разницы, хотя в прошлом году этот фактор был не так заметен, как в 2014–2015 годах. Ну и конечно, налоговое администрирование — мы совершенствуем свои подходы, налогоплательщики выходят из тени и платят больше налогов.

Отмечу, что мы не ставим перед собой цель «душить» какое-нибудь отдельно взятое конкретное предприятие — мы применяем экстенсивный подход и риск-анализ, выявляя неплательщиков. Конечно, на нас поступают жалобы — если чело-

века, который никогда ничего не платил, заставить отдать хотя бы рубль, он будет недоволен. Тем не менее, новые технологии и подходы, которые мы применяем, дают очевидный положительный эффект.

— Сейчас активно обсуждается новация, связанная с необходимостью предоставлять в налоговые органы сведения о банковских счетах за рубежом. Много ли нижегородцев имеют подобные счета, и как мы в этом плане соотносимся с другими регионами?

— В Нижегородской области о наличии счетов за рубежом заявило несколько тысяч человек. В основном, это счета, которые были открыты для обучения детей за границей, хотя, конечно, есть и те, кто имеет там недвижимость. Счетов, связанных с зарубежным бизнесом, зарегистрировано совсем немного.

Мы обмениваемся данными с другими государствами, входящими в еврозону и ЕАЭС, и сейчас уже получаем сведения в автоматическом режиме. Штрафные санкции в отношении тех граждан, которые не отчитались о зарубежных счетах перед налоговыми органами, начнут применяться со следующего года, и они достаточно серьезные.

— Еще одним нововведением последнего времени являются онлайн-кассы — как обстоят с этим дела в Нижнем Новгороде? Я так понимаю, что это тоже связано с увеличением налоговой базы?

— В перспективе — безусловно, да. По количеству установленных касс мы находимся где-то на восьмом месте в России, поэтому можно сказать, что в Нижегородской области достаточно добросовестные налогоплательщики.

На сегодняшний день установлено порядка 8 тыс. касс — в дальнейшем нам необходимо довести этот показатель до 25 тыс. устройств. Со стороны налоговой службы отношение к предпринимателям в этом плане достаточно лояльное — мы ждем, пока эти кассы будут установлены повсеместно, это правильно. Малый бизнес и вообще никто не «кошмарит» — там вообще установлен срок до 1 июля 2018 года.

8 000

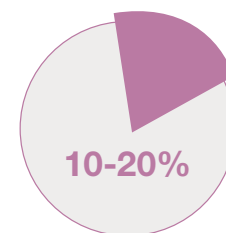
онлайн-кассы

установлены в настоящий момент в Нижегородской области.

Планируется, что их количество увеличится до 25 тысяч.

600

выездных проверок проведено в 2016 году УФНС по Нижегородской области.

10–20% - доля малого бизнеса в общей сумме налогов, собираемых в Нижегородской области.

100 тыс. юрлиц и 80 тыс. ИП зарегистрированы в Нижегородской области.